

Г. М. Коваленко

KUNGAMAКAREN. ЯКОБ ДЕЛАГАРДИ В РОССИИ

Во время Смуты, одной из составляющей которой было иностранное военное присутствие, внешние силы взаимодействовали с различными слоями русского общества. Механизмы этого взаимодействия на примере русско-польских отношений раскрыл Б.Н. Флоря¹.

Следует отметить, что как русское общество, так и внешние силы в Смутное время были представлены не только различными политическими и социальными группировками, но и конкретными лицами, которые оказывали непосредственное влияние на характер и результаты этого взаимодействия. При этом они выдвигали собственные проекты, соответствовавшие их представлениям о государственных интересах.

Одной из наиболее заметных фигур, представлявших внешние силы в России, был шведский военачальник Якоб Делагарди, оставивший заметный след не только в военной, но и в политической истории Смуты. До Клушина он выступает главным образом на военной арене, а после Клушина — на политической.

Узнав о переговорах Жолкевского с боярским правительством об избрании Владислава, 24 августа Делагарди обратился к московским и новгородским властям с письмом, которое представляет большой интерес, так как проливает свет на генезис шведской кандидатуры на московский престол. Он предостерегает их от избрания царем сына польского короля, который хочет сделать русских своими рабами и уничтожить православную религию. Зная о том, что кандидатура шведского принца, которого можно противопоставить польскому кандидату, уже была выдвинута бывшими сторонниками М.В. Скопина-Шуйского, он советует им избрать царем одного из сыновей Карла IX, но при этом не настаивает исключительно на шведской кандидатуре: «Если русские желают себе добра, пусть возьмут царем

одного из сыновей шведского короля или кого-нибудь из его кровных родственников и друзей, если уж они не хотят иметь великого князя из своей среды»².

В это же время Делаярди получил письмо от Жолкевского, в котором гетман, называя себя его доброжелательным другом, сообщил ему о том, что москвичи принесли присягу Владиславу, предостерег от вмешательства в московские дела. Делаярди ответил, что он не связан с гетманом ни дружбой, ни договором, и призвал его «вывести войско из страны, не проявившей никакой враждебности к нему и не связанной присягой»³.

Весной 1611 года Делаярди подошел к Новгороду и вступил в переговоры с новгородскими властями и представителем подмосковного ополчения В. Бутурлиным о совместных действиях против поляков и избрании царем шведского королевича. Он считал, что шведский кандидат может получить поддержку в новгородской округе, где в это время шла борьба между сторонниками царя «Владислава Жигмонтавича» и шведами, оставшимися верными договору с правительством Шуйского⁴.

После того как к Москве подошли войска Я. Сапеги, руководство ополчения, заинтересованное в шведской помощи, приняло решение о возможности избрания одного из сыновей шведского короля русским царем: «...признали старшего сына короля Карла IX... достойным избрания великим князем и государем московитских земель»⁵. В этой связи шведский историк Х. Альмквист отметил, что «кандидатура шведского принца возникла не в блестящий период побед шведского оружия, а в безнадежной ситуации, как последнее средство для противодействия династическим планам польского короля»⁶. По мнению Г.А. Замятина, приговор ополчения был формальным отказом от польского королевича и знаменовал собой крутой перелом в московской политике⁷.

Делаярди вел переговоры с ополчением на свой страх и риск и особо не согласовывал свои действия с королем⁸. Несмотря на приказ короля захватить Новгород, он медлил, поскольку в то время Новгород был местом сбора антипольских сил⁹. Только после того как переговоры окончательно зашли в тупик, он взял Новгород штурмом.

25 июля 1611 года новгородские власти подписали с Делаярди договор о союзе, который в соответствии с решением Совета ополчения предусматривал избрание одного из сыновей Карла IX великим князем Новгородского государства, а также Московского и Владимирского государств, если они того пожелают¹⁰. Делаярди от имени короля обещал «не делать никакого препятствия и притеснения их вероисповеданию и богослужению, не при-

нуждать к принятию иной веры, но как доселе было, так и впредь оставить свободное отправление древнего греческого исповедания, не разрушать и не расхищать храмов, монастырей, утварей и образов, не причинять никакой обиды священнослужителям»¹¹.

По мнению Е.И. Кобзаревой, «этот договор закладывал основу существования Новгородского государства как герцогства под эгидой одного из сыновей Карла IX, но практически полностью подчинявшегося власти Делагарди»¹². С этого времени в новгородских землях установился оккупационный режим, который А.А. Селин характеризует как альянс, основанный на компромиссе между шведами и той частью новгородцев, которые предпочли оккупацию анархии. При этом он рассматривает его как пример взаимоотношений двух культур, имевших к 1611 году значительный опыт взаимодействия¹³.

Возглавивший шведскую военную администрацию Делагарди, понимая, что удержать территорию гораздо труднее, чем завоевать ее, стремился расположить к себе местное население. Неизвестно, читал ли он Макиавелли, но его поступки вполне соответствовали рекомендациям автора «Государя»¹⁴. Делагарди поселился в Новгороде, стал учить русский язык и осуществлял управление оккупированной территорией на основании русских законов, опираясь на русскую администрацию и русские традиции. Он проводил сравнительно мягкую налоговую политику, не допускал самовольства и притеснений местного населения, особенно священнослужителей¹⁵, со стороны шведских солдат, дворянство жаловало земельными наделами, купцам предоставлял торговые льготы¹⁶.

Делагарди хотел использовать экономические ресурсы Новгородской земли в интересах шведской короны, а потому старался не допустить ее разорения. Поэтому он советовал королю более мягко обходиться с новгородцами, ибо они уже «достаточно натерпелись»¹⁷. Не случайно советники короля упрекали его в том, что он «чужие земли доступает, а свои запустошил». Следует отметить, что иногда он был вынужден из собственного кармана финансировать находившиеся под его командованием войска, которые постоянно испытывали недостаток в обмундировании, продовольствии и амуниции.

Вместе с тем военную кампанию в России Делагарди рассматривал как средство для улучшения своего материального положения, а потому занимался коммерческой деятельностью, в частности торговлей мехами, которые получал в ходе сбора средств на содержание войск. Только в 1610 году он отправил из России для продажи 1400 собольих шкур. Уехав в Россию

обремененный долгами, он вернулся домой вполне обеспеченным человеком¹⁸. По сообщению А. Манкиева, «грабленным новгородским именем» он построил в Стокгольме «палаты, медью крытые», а недалеко от Стокгольма — «великий и богатый каменный замок» Якобсдаль¹⁹.

Однако главные усилия Делагарди направлял на то, чтобы добиться избрания на российский престол шведского принца²⁰. Перед ним открывалась вполне реальная и заманчивая перспектива стать создателем новой правящей династии в России и занять при ней соответствующее место. Корни династической политики, которую он проводил на свой страх и риск, связаны со стремлением Эрика XIV и Карла IX заручиться поддержкой России в борьбе с Польшей²¹. Его проект создания новой правящей династии в России по своим целям, методам и результатам был как бы зеркальным отражением проекта Жолкевского. В своих письмах к королю и шведским сановникам он доказывал, что избрание Карла Филиппа было бы для Швеции единственной возможностью оказывать действительное влияние на развитие событий в России, и просил, чтобы принц как можно скорее выехал в Новгород. «Если Карл Филипп, — писал он, — будет избран русским царем, то Швеция получит не только мир и спокойную границу на востоке, но и союзника в борьбе с Польшей. В противном случае усиление анархии в России создаст условия для расширения польской интервенции». Карл Филипп на московском престоле казался ему предпочтительнее, чем Густав Адольф, объединивший под своей властью две державы. В этом плане его интересы совпадали с интересами новгородцев, которые надеялись в лице Карла Филиппа обрести твердую власть и гарантию от территориальных притязаний шведского короля. По мнению шведского историка Б. Янгфельдта, осуществление династического проекта Делагарди «изменило бы не только карту, но и историю Европы»²².

Важнейшими условиями реализации этого проекта Делагарди считал завершение переговоров с новгородским посольством архимандрита Никандра, отправленного в Стокгольм в январе 1612 года, и прибытие Карла Филиппа в Россию. Он сравнивал задержку новгородского посольства в Швеции с задержкой русского посольства в Польше и предлагал отпустить часть членов посольства домой, а другим разрешить переписку²³. Его беспокоили также территориальные планы короля, которые могли толкнуть русских к Польше²⁴. Несмотря на все его усилия, Карл Филипп так и не получил разрешения короля отправиться в Россию.

Весной и летом 1612 года произошел обмен посольствами между руководством нижегородского ополчения и новгородскими властями. В центре

этих переговоров был вопрос о шведском принце. Поддержав идею избрания Карла Филиппа русским царем, ярославское правительство отнеслось к этому проекту с определенной осторожностью. Оно потребовало от принца перехода в православие, а от короля — свидетельств его искреннего желания дать России царя и оказать действенную поддержку в борьбе с польско-литовскими отрядами.

Однако Густав II Адольф, не желая приносить территориальные интересы в жертву династическим, решил взять бразды правления в оккупированных новгородских землях в свои руки. Поэтому он медлил с решением этого вопроса и задерживал отъезд Карла Филиппа на переговоры. Когда он наконец отпустил его на переговоры с новгородцами в Выборг, время было упущено. Самый осведомленный о русских делах швед Делагарди на эти переговоры не поехал, так как уже не верил в их успех.

Последней страницей в истории о шведском претенденте на московский престол стали переговоры в Выборге, куда летом 1613 года прибыл шведский принц. Он приехал туда, не зная об избрании Михаила Романова. Переговоры зашли в тупик, поскольку стороны не смогли решить вопрос о переходе Карла Филиппа в православие, на чем категорически настаивала русская сторона. В конце 1613 года в Выборг пришло известие о том, что Михаил Федорович признан царем всеми русскими областями за исключением Новгородской земли²⁵. 12 января 1614 года Г. Горн объявил новгородским послам, что принц не может выехать в Новгород, так как до него дошли вести об избрании царем Михаила Федоровича, и он возвращается в Стокгольм. Г.А. Замятин сравнил отъезд королевича из Выборга в Швецию в январе 1614 года с отъездом Владислава из Волоколамска в конце 1612 года²⁶.

После провала переговоров в Выборге Делагарди начинает играть роль модератора между Стокгольмом, Новгородом и Москвой. В 1614 году он пытается склонить короля к мирным переговорам с московским правительством, в 1615 году ведет переговоры с Д. Мерриком о снятии осады Пскова. Не случайно новгородцы называли Делагарди «разумным боярином» и отмечали, что к миру «сходительнее всех Яков Пунтусов».

Следует отметить, что Делагарди не проявил особого усердия в том, чтобы выполнить распоряжение короля о приведении новгородцев к присяге шведской короне. Это отметили посланные в Москву новгородцы: «Как был в Новгороде Яков Пунтусов, и писал король к нему о том, чтобы ему привести новгородцев ко кресту на королевское имя, и Яков им о том говорил, а при Якове не столь жестоко, как ныне Эверт Горн»²⁷.

В 1616 году Делагарди принял участие в русско-шведских переговорах и поставил свою подпись под Столбовским договором, по условиям которого шведские войска в марте 1617 года оставили Новгород.

Среди трофеев, вывезенных им из Новгорода, были документы Новгородской приказной избы. Однако он рискнул не выполнить пожелания короля и не вывез из Новгорода бронзовые врата Софийского собора, которые, как полагал Густав Адольф, были взяты новгородцами в Сигтуне в XII веке. Делагарди написал канцлеру А. Оксеншерне, что эти врата являются одной из главных новгородских святынь и не могут быть вывезены из Новгорода без опасения срыва мирных переговоров²⁸.

Во время пребывания в России Я. Делагарди, равно как и С. Жолкевский, проявил себя как талантливый военачальник и политик. Следует отметить, что он был одним из немногих шведов, память о которых сохранилась в русском фольклоре. В исторических песнях и преданиях он оставил след прежде всего как соратник «оберегателя мира крещеного», талантливого русского полководца М.В. Скопина-Шуйского.

Несмотря на некоторое недоверие, возникшее к нему в Стокгольме во время его длительного пребывания в России, по возвращении в Швецию он занимал высокие государственные посты: стал риксмаршалом и губернатором Эстляндии и Лифляндии. В этом плане его также можно сравнить с Жолкевским, карьера которого, несмотря на непростые отношения с королем, была увенчана высшими государственными должностями коронного гетмана и канцлера.

До недавнего времени история Новгорода начала XVII века была страницей, которую старалась поскорее перелистнуть не только дореволюционная, но и советская историография, поскольку считалось, что в то время местная элита сотрудничала с оккупационным режимом Делагарди и пыталась навязать русскому народу царя-шведа, подобно тому как «седмочисленные бояре», вступив в сговор с Жолкевским, пытались посадить на московский престол царя-поляка²⁹.

Следует отметить, что кандидатуры Владислава и Карла Филиппа появились в результате не происков внешних врагов, а борьбы политических группировок в условиях распада государства и глубокого кризиса власти, породившего разочарование и недоверие к многочисленным отечественным искателям русского престола. Именно тогда в широких кругах русского общества становится популярной мысль о том, что Смута может прекратиться только «государским сыном». А поскольку в России такового не было, его стали искать за границей — прежде всего у соседей, в Польше

и Швеции. Если смотреть на это не в ретроспекции, а глазами современников событий, то следует согласиться с тем, что как москвичи, так и новгородцы в условиях глубокого социально-экономического и политического кризиса Русского государства, поставившего его на грань национальной катастрофы, пытались использовать иноплеменный фактор для сохранения государственности и национального суверенитета.

При этом речь шла не просто о кандидатах, а об альтернативах политического развития (шведской или польской модели). Как отметил Г.А. Замятин, «в 1610 году преобладающее значение получил высший слой феодалов, тяготевший в сторону Польши. В 1611 году перевес оказался на стороне среднего слоя, который потянулся к Швеции, где сила феодалов в известной мере уже была сломлена королевской властью в союзе с горожанами и крестьянами»³⁰.

Тушинский проект, равно как и приговор Совета всей земли, были важными вехами в истории русской политической мысли, открывавшими возможности для реализации различных альтернатив развития российской государственности.

А.Л. Янов считает, что, «если бы этот документ (тушинский проект. — Г.К.) сработал, вся русская история пошла бы другим путем»³¹. В.Б. Кобрин предположил, что осуществление проекта Жолкевского — «воцарение православного Владислава на Руси — принесло бы хорошие результаты... Он превратился бы в русского царя польского происхождения, как его отец Сигизмунд был польским королем шведского происхождения»³².

Аналогичную мысль о проекте Делагарди высказал В.Н. Козляков: «Шведский королевич... в случае соблюдения условия с крещением в православие идеально подходил русскому двору. Он мог создать вечный противовес устремлениям главного врага — Сигизмунда III»³³. Даже Н.М. Карамзин сожалел, что «Делагарди предпочел город державе... и венец Мономахов» не возвратился к «варяжской династии», которая включила бы Россию в Вестфальскую систему, определившую границы государств и «равновесие в Европе до времен новейших»³⁴.

Но и тот и другой проект, не встретив поддержки со стороны Кракова и Стокгольма, так и остались «утраченными возможностями». Им не суждено было осуществиться прежде всего потому, что ни польский, ни шведский кандидат не согласились перейти в православие, а русские люди не могли принять царя-иноверца. Кроме того, шведы, а еще в большей степени поляки своими действиями разочаровали русских людей и заставили их отказаться от иноземных кандидатов.

* * *

¹ *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

² *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000. С. 141; *Замятин Г.А.* Россия и Швеция в начале XVII в. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 37–38.

³ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 145–146.

⁴ *Селин А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 128.

⁵ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 200.

⁶ *Almqvist H.* Sverige och Ryssland. 1585–1611. Uppsala, 1907. S. 199.

⁷ *Замятин Г.А.* Указ. соч. С. 51.

⁸ *Кобзарева Е.И.* Шведский военачальник Я.П. Делагарди в России Смутного времени // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 172–173.

⁹ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 159; *Södergren G.* Om Gustaf II Adolfs plan att bliva rysk czar. Wexiö, 1868. S. 7–8.

¹⁰ *Sveriges traktater med främmande magter.* Stockholm, 1903. Vol. I. S. 200–211.

¹¹ Памятники истории Смутного времени. М., 1909. С. 75.

¹² *Кобзарева Е.И.* Указ. соч. С. 173.

¹³ *Селин А.* Новгородское общество... С. 693.

¹⁴ «Завоевателю... следует сохранить прежние законы и подати. ...Если же завоеванная страна отличается по языку, обычаям и порядкам, то тут удержать власть поистине трудно, тут требуется и большая удача и большое искусство. И одно из самых верных и прямых средств для этого — переселиться туда на жительство» (*Макиавелли Н.* Избранные сочинения. М., 1982. С. 305–306).

¹⁵ В документах Новгородского оккупационного архива сохранились сведения о том, как «Яков Пунтусович на поле гуляти ездил и в село заехал и в церковь Троицы на Паозерье отдал» ценности, взятые его солдатами при штурме города (*Селин А.* Новгородцы и шведы в начале XVII века // Канва истории. 2002. № 15. С. 126).

¹⁶ *Фигаровский В.А.* О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. // Новгородский исторический сборник. Л., 1937. Вып. II. С. 54.

¹⁷ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 316, 322.

¹⁸ *Grill E.* Jacob De la Gardie. Affärsmannen och politiken. 1608–1636. Göteborg, 1949. S. 25.

¹⁹ Ядро Российской истории, сочиненное... Андреем Яковлевичем Хилковым... М., 1770. С. 295.

²⁰ Это был не первый опыт его участия в большой политике. Во время своего пребывания в Голландии в 1606–1608 годах он пытался содействовать заключению брака между принцем Морицем Оранским и шведской принцессой Анной, что могло привести к утверждению Оранской династии на шведском троне.

²¹ *Sveriges krig. 1611–1632.* Stockholm, 1936. Bd. I: Danska och ryska krigen. S. 375.

²² Янфельдт. Б. Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм; СПб., 2003. С. 21.

²³ Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brevvevling. Stockholm, 1893. Afd. 2. B. V. Jakob De la Gardies bref 1611–1650. S. 49.

²⁴ Sveriges krig. S. 427.

²⁵ Замятин Г.А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1615). Юрьев, 1913. С. 111.

²⁶ Замятин Г.А. Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. // ОР РГБ. Ф. 618. Картон 2. Очерк 3. Гл. III. Л. 72 (пагинация в диссертации дана по очеркам, очерки разбиты на главы).

²⁷ РГАДА. Ф. 96. Сношения России со Швецией. 1615. № 2.

²⁸ Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brevvevling. 2:V. S. 94–97.

²⁹ «Митрополит и бояре, сдавшие шведам Новгородский кремль, шли по стопам московской семибоярщины» (Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М., 1981. С. 250).

³⁰ Замятин Г.А. Очерки по истории шведской интервенции... Л. 129–130.

³¹ Янов А. Указ. соч. С. 148.

³² Кобрин В.Б. Смутное время — утраченные возможности // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991. С. 181.

³³ Козляков В.Н. Двор в поисках монарха в 1612 г. (забытый источник о новгородском посольстве к «Совету всей земли» в Ярославле) // Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй: тез. докл. Междунар. науч. конф. М., 2009. С. 74.

³⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. III. Т. XI. С. 189.